

кандидат филологических наук,
преподаватель Государственного
университета – Высшей школы
экономики (Москва), автор статей
о современной глянцевой культуре.

Роман с магазином

В современной массовой литературе можно выделить особое направление, выросшее из журнально-глянцевой культуры. Это романы о вещах и магазинах, то есть об искусстве шопинга. Одним из главных текстов «магазинной литературы» можно считать роман французской писательницы Кристин Орбэн (СъпБппе Огбап) «Шмотки. Роман из мира моды» (2002), главная героиня которого создает свою философию одежды, периодически ссылаясь на Фрейда и Бодрийяра. Еще один лидер – Софи Кинселла (ЗорЫе КппзеПа) с романами о женщине, которая не может жить без магазинов².

Главная героиня «магазинной прозы» живет и действует в журнально-глянцевом мире, строго следуя его нормам и стандартам. Этот мир строится по цикличной модели (весна-лето/осень-зима). Незатейливые рекомендации и «жизненные» истории перемежаются в нем рекламой и фотографиями топ-моделей и звезд, одетых в продукцию определенных брендов. Населяющие его персонажи выполняют роль манекенов, целиком находящихся в его глянцевой власти. Но если в самих журналах окружающий мир начинает и выигрывает, то в производном романе конечная победа остается за героем (точнее, героиней). Сюжет такого

романа — это, как правило, путешествие героини по глянцево-
Благодаря своей непосредственности и свободному владению ну^{ми} Ру
навыками героиня всегда добивается успеха. При этом она н^иц^а^м^ич^и1
не старается победить или дискредитировать саму реальность г^р...^о
заповедь — избегать излишеств и чрезмерности. л^{ан}%ч

Все это напоминает классическую структуру комической
В таком романе обычно действует предприимчивый герой-п^еи^и
которого работает весь мир. Этот жанр возник в испанской лит^а^
ре XVII века и получил название «пикареска». Затем герой-пд^а^
решил в авантюрный роман XVIII века (Лесаж, Прево, Мариво д^п^
Филдинг, Смоллетт). Структурная основа жанра — «непредвиди^а^
поведения» героя (в терминах Л.Я. Гинзбург). По такому канон
шутся и современные «романы-комедии». Гегель неслучайно наз^уП^и
роман «современной буржуазной эпопеей». Это в чистом виде апол^з
гия индивидуума, рвущегося к успеху через жизненные тру^ди^ост^и
Но если в романе XVIII века столкновение героя с миром зачастую
описывалось в сатирическом ключе, то в сегодняшнем романе-коме-
дии все куда более безобидно. Героиня не борется с миром, а купае^т
ся в нем, катается как сыр в масле. Ей хорошо. Не над чем смеяться
не с чем конфликтовать, некого в конечном итоге побеждать. Комедия
с ее духом позитивности — вот единственный победитель.

Мир моды и магазинов в романах XVIII-XIX веков изображался,
как правило, без особой симпатии. Гоняться за модой, сливаться с ве-
щами — пустое времяпрепровождение, и писатели (будь то Бальзак,
Гоголь, Теккерей или Толстой) это подчеркивают. Аспект приобре-
тательства вообще не имеет значения. Вещей — с нашей точки зре-
ния — покупается до смешного мало. Стоимость производимых вруч-
ную товаров слишком высока. Еще выше стоимость кустарного труда,
вложенного в товар, который на протяжении долгих лет после покуп-
ки поддерживается в надлежащем виде. Иногда в романах, конечно,
действуют герои-денди (образцовый пример — культовый текст дека-
дентской эпохи, «Наоборот» Гюисманса). Они образуют целое дви^ж
ние в реальной жизни и тем более в литературе^и. Но откуда они[»]^я^ли^и
свои шикарные вещи — никому не интересно. Этого вопроса ни^и^
бы просто не понял.

Современный роман о модных вещах — совсем другое дело^{оче}
прямую соединяет тему моды с темой денег. Модные вещи в первую^ю
редь приобретаются. Деньги являются единственным пропуском
вещей, но если их не хватает, они же, а вернее, их отсутствие, ок^а
ются и препятствием. Если в литературе XVIII — начала XX века
ретательство трактовалось как скряжничество, то в наше время на

образу скупого (один из центральных для литературы Нового времени)
приходит транжир, для которого обладание вещами является проявле-
нием независимости и способности контролировать ситуацию.

Впервые о покупках, а значит, и о деньгах как способе приобретения
товара заговорили модные журналы — с самого момента их появления
во второй половине XVIII века. С распространением товаров широко-
го потребления именно в них появляется массовая реклама магазинов
(которая была штучной, привязанной к месту, а значит, малоэффектив-
ной. Художественная литература тут же получила объект для высмеи-
вания. Интересно, что в русской культуре с ее примитивным и подра-
жательным дискурсом о моде даже в самых ранних модных журналах
устойчиво проявлялась сатирическая составляющая (см., например,
«Листок светского человека», в котором сатирический дискурс является
преобладающим). Смех над вещью появился раньше самой вещи. Такая
игра на опережение — излюбленный русский продукт. Всерьез и по-
русски (не в режиме переводов с европейских языков) о моде начали
писать только к началу века двадцатого. То есть когда русская буржу-
азия оформилась как класс.

С появлением массового производства вещей, приобретаемых за
деньги во множестве универсальных и специализированных магази-
нов, с появлением фиксированных цен на товары и рекламы, призы-
вавшей посещать именно эти магазины и покупать именно эти вещи^и,
а затем — • системы скидок и доступных потребительских кредитов
возникло явление, условно обозначаемое как «шопомания» — «мага-
зинная зависимость». Есть, как правило, два механизма приобретения
лишних вещей — покупка товаров «заодно» (под воздействием рекла-
мы) и в ходе фланирования по магазинам с целью убить время и/или
снять стресс^и. С недавних пор в американских и европейских справоч-
никах по психиатрии стал попадаться новый диагноз — «навязчивый
и всепоглощающий шопинг». В журналах по психиатрии публикуют
результаты последних исследований в области патологии, называемой
«шопоголизм». Многие потребители, обанкротившиеся в результате
шопинга, страдают болезнью, похожей на запойный алкоголизм. За пос-
леднее время по примеру обществ анонимных алкоголиков создаются
центры под названием ЗбораноЗз Апопутоиз, предлагающие помощь
жертвам бесконтрольного шопинга.

Какие психологические модели работают, когда покупается новая
вещь? Новая вещь — это способ успокоить себя, вознаградить, утешить.
Потребность в сильных положительных эмоциях и нехватка их в обыч-
ной жизни приводит к нерегулируемым тратам. На смену приходит
чувство вины из-за ненужных трат. Одиночество, горе, разочарование,

скука также толкают на траты. Планирование по магазинам и ретение товаров — способ избежать ответственности: отложить^{п^1.1*~} выполнение каких-то обязанностей или принятие серьезного релД^{10^1}. К тому же пребывание в эпицентре «магазинной жизни» созд¹ люзию полноценной социальной вовлеченности. Ил-

Девяносто процентов сегодняшних жертв шопинга — жен. Обычно они покупают вещи, которые могут сделать их особрм^ы одежду, обувь, косметику и украшения. Мужчины ищут возмож подчеркнуть старательно созданный имидж. Они заняты приобр^{етен} б ем различных гаджетов — новинок электроники и спортивной ОЛР автомобильных аксессуаров и различной досуговой экипировки от жигалок 21ppro до эксклюзивных удочек. Шопоголики ходят по магази нам, чтобы поднять себе настроение. Они покупают вещи, которые им абсолютно не нужны, и порой даже не разворачивают покупки. В ост рой стадии «шопомания» может привести к финансовому краху.

Яркая картина шопоголической зависимости создана в романах Софи Кинселлы. Все они написаны от лица героини, Бекки Блумвуд. Картина «магазинной зависимости» воспроизведена в ее классических образцах — и так, что в действиях героини читатель(ница) легко узнает себя.

«А костюмчик в "Джигсо" был со скидкой — 30 процентов. Так что я вообще на нем сэкономила. Открываю глаза и беру счет. Как только мои пальцы касаются конверта, я вспоминаю про новые контактные линзы. Девяносто пять фунтов. Недешево, конечно, но мне они были необходимы. Я что, должна ходить полуслепая? А к ним пришлось купить новый раствор, и симпатичный контейнер, и гипоаллергенную подводку для глаз. Все вместе тянет на... четыреста?»⁷.

Фатальная логика шопоголика реконструируется с завидной наблюдательностью. Крайне любопытное явление, вошедшее в современную жизнь, — накопительные системы скидок, вызывающие у шопоголика сезонные обострения.

«Обожаю бонусные очки. Правда ведь, замечательное изобретение. Если потратить достаточно средств на покупки в одном месте, можно получить хороший приз, например оплаченный день в салоне красоты. Накануне прошлого Рождества я схитрила — копила свои бонусные очки, пока их не оказалось достаточно для покупки подарка лл¹¹¹ * о и бабушки. У меня уже накопилось к тому времени 1653 очка, а ну*¹¹ было 1800, чтобы получить бесплатный подарок — набор термобигуд. Поэтому я купила себе большой флакон духов "Самсара", полу еще 150 очков на карточку, и мне дали набор термобигуды совер1Н¹¹¹ бесплатно! Вот только я не слишком люблю духи "Самсара". Но П¹¹¹ ла это, уже когда пришла домой. Ну и что.

Самый хитрый способ использовать бонусные очки — не упустить возможность, когда она появляется. Иначе второй раз такого предложения может и не быть. Поэтому я беру с полки три баночки увлажняющего крема. Двойные бонусы! Да это же дармовые деньги, так ведь?»

Комедийная интрига в романах Кинселлы строится в основном на том, что героиня тратит на покупки слишком много денег, превышает все возможные и невозможные кредиты, в итоге лишается банковского доверия и создает множество проблем себе и своим близким. Героиню Кинселлы спасает каждый раз отнюдь не благоразумие (чего следовало бы ожидать) — может ли такое случиться в комедии? Спасают случай и удача, приправленные изрядной долей находчивости, непосредственности и внутренней свободы. Серьезных проблем у героини на самом деле нет. Все при ней — и внешность модели, и высокие интеллектуальные ресурсы. Непосредственность, граничащая с примитивностью и являющаяся одним из источников комического в романе, сказочным образом уживается с тонким интеллектуализмом и нестандартным мышлением, которое проявляется в Бекки в нужный момент — а именно когда ситуация становится критической.

Главный способ, к которому прибегает Бекки, чтобы избавиться от страха и защититься от внешнего мира, — присущий носителям инфантильного мироощущения уход в мир мечты. А воображение у Бекки в силу непосредственности ее натуры богатое и ничем, тем более здравым смыслом, не ограниченное:

«Небрежно протягиваю руку к конверту, но пальцы почему-то никак не хотят вытаскивать из него счет. Прилипли к бумаге, и все тут, а я опять застыла и углубилась в мечты. Так происходит каждый месяц. Все мое существо охватывает одна-единственная, тайная мечта.

Хотите знать — какая? Когда-то я прочитала в газете историю о банковской ошибке. Статья мне так понравилась, что я вырезала ее и пришила к дверце шкафа в спальне. Банк перепутал имена двух клиентов и каждому послал чужой счет по кредитке. Но самое главное — оба человека не глядя оплатили счета, так и не заподозрив ошибки!

И с тех пор я втайне мечтаю, что подобное случится и со мной. Какой-нибудь сумасшедшей старухе из Корнуолла пришлют мой огромный счет, и она возьмет и оплатит его. А мне придет ее счет за покупку трех банок кошачьих консервов по 59 пенсов штука, и я, конечно, без вопросов его оплачу. Все по-честному!

Я невидяще смотрю в окно с блаженной улыбкой на лице. Уверена, что именно в этом месяце суждено сбыться моей тайной мечте».

Еще один способ уйти от проблемы — бросить банковские кредиты или засунуть в ящик для нижнего белья не читая. Нет магии — нет проблемы. А в самый последний момент Бекки чудо или находчивость: неожиданно поступает предложение торскую программу на телевидении, рождается идея выставить продажу все купленное за многие годы (что и дает возможность титься с долгами), за руку Бекки борются два героя, входящие в Г самых богатых англичан. Обилие таких возможностей обеспечить Бекки устойчивое положение в обществе, с тем чтобы в очередном мане она вновь могла предаться своему увлечению.

Показательны в этом смысле рецензии на книги Кинселлы Единственное издание, которое называет шоппоголизм социальной проблемой, — солидный *The Sun*: «Любовь способна победить все — такой стойкий порок, как тяга покупать все подряд. Смешно, весьма неглупо. Настоящая классика комедии. Bravo!» Однако в большинстве случаев книга воспринимается как путеводитель по посещению магазинов: «Эта книга слишком хороша, чтобы пропустить ее. После нее хочется жить, смеяться и — ходить по магазинам» (115A *The Sun*). «Если Вы знаете, как способны поднять настроение шпильки с бриллиантовыми ремешками, эта книга для Вас» (*Репорт*). «Софи Кинселле удалось создать невероятно забавный, обаятельный и правдивый образ современной женщины, ну разве что слегка помешанной: на покупках» (*Уоллис*). «Замечательная история любви и успеха, не говоря уже о том, что эта книга — самое жизнеутверждающее руководство по распоряжению личным бюджетом. Лучше всего ее читать по пути в магазин» (Столичная газета). «Если вы любите делать покупки, то эта книга в вашем списке должна значиться под номером один — это самый смешной учебник, как следует ходить по магазинам и сохранить при этом здравый рассудок» (E//e). Но здравый рассудок — последнее качество, присущее героине романов Кинселлы. Невольно в воображении возникает картина того, как ее читательницы с той же степенью непосредственности, но с меньшей долей обаяния истово предаются сладкому пороку шоппоголизма, пребывая в уверенности, что вакансии на телевидении и богатый принц уже поджидают неподалеку.

Другой образец «магазинной литературы» с ее глубинами шоппоголизма представила француженка Кристин Орбэн. В частности, на русском языке издавался ее роман «Шмотки», героиня которого Дарлинг создает целую философию одежды как философию жизни. Мечтая сидеть по лестничной клетке с Зигмундом Фрейдом или Жак Бодрийяром, она заявляет: «В шмотках и правда нет ничего серьезного, кроме способа заполнить пустоту в ожидании смерти, и в этом

искусство кройки следует поставить выше, чем науку и литературу». Дарлинг коллекционирует одежду, превращая свою квартиру в музей и сопровождая свои действия истинно французской интеллектуальной болтовней. «Жизнь — это кино. Я сохраняю все шмотки, сопровождавшие меня в определенные моменты жизни, это дарует мне право пересматривать их, сидя на полу в моей гардеробной под кровом плечиков и воспоминаний, я перекручиваю пленку, замедляя кадры». Бергсон и социология памяти (Морис Хальбвакс) или Сартр, подпитывающий измышления героини о «пустоте» и «тошноте», сообщают, что Дарлинг высказала очередной изящный комментарий к своим пустым занятиям, наполнила их видимостью глубокой концепции.

Все та же идеальная фигура героини делает чистоту эксперимента абсолютной. Совершенные формы тела превращают героиню даже не в модель, а в вешалку. Платье действительно решает все, в том числе и на онтологическом уровне. «Она есть то, что она носит. Бог создает, мода преображает». Кстати, еще один, едва ли не центральный афоризм героини, который может увенчать эволюцию французской мысли: «Я дошла до ручки, значит, я существую». Не стоит думать, будто это крик души: пустота не кричит, она зияет. Единственное, что хочет сказать Дарлинг, это то, что она устала от приобретения. И должна отдохнуть. Например, купить себе чего-нибудь. Постепенно она становится коллекционером, т.е. выдает свои некрофилические наклонности. Так же, как Гренуй из «Парфюмера» Зюскинда, собиравший ароматы и запахи, она коллекционирует платья и аксессуары как таковые, ради их уникального и мимолетного проявления. После единственного выхода в мир платье награждается соответствующим ярлыком, убирается в чехол и прячется в глубокий шкаф. «Моя странная квартира всего лишь огромная вешалка, поделенная на три части: моя спальня — это собственно магазин; столовая — музей, а еще есть кладбищенская гостиная — здесь властвуют шмотки. Здесь, на поле мертвых одежд, есть уголок согласия — платья первого поцелуя, которые я больше никогда не надену, ведь они священны и я желаю сохранить в них нетронутое, не оскверненное ничьим вмешательством воспоминание. Я навещаю платья, как навещают мавзолей или склеп».

Там, где витает дух смерти, всегда есть место мыслям о Боге. Дарлинг не отрицает этой зависимости, она ее с удовольствием подчеркивает:

«Без корней, без семьи, без традиций — я свободна, как свободны сироты: тем, что я есть, я обязана лишь себе, я это сознаю. Когда я покупаю что-либо, в меня входит крупица внешнего мира, крупица чуда,

частица Спасителя, это как глоток свежей воды оесохшее горло. Ни дня без покупки, каждую я запиcьт в клеточку; это моя книга, мой дневник, он называется "Б о н" ^ « А Б записи покупок"». Дд,

Кристин Орбэн удивительным образом удается удержаться сарказма. Она не обличает свою героиню, хотя сама по себе бывшей продавщицы модного бутика порождать рассужден пусть лаже и популяризированного рола, весьма комична. Но забывать, что Дарлинг — француженка, пусть и называет себя лийский манер. Во Франции философская мысль действите ближе повседневности, несмотря на весь свой эзотерический Щебетать на этом птичьем языке должны уметь все особенно ки в поисках мужа. Ведь в романе Орбэн эта тщательно замаскиров ная охота в итоге увенчивается успехом...

Сегодня шопоголизм как социальная проблема освещается в жа ре комедийной мелодрамы. Попытка Кристин Орбэн создать обра зец гламурного феминизма остается малоубедительной. Все попре жнему заканчивается браком. Роман о вещах, которые защищают от боли, в финале оборачивается своей противоположностью — «розо- вым романом», универсальной мелодраматической историей люб- ви¹⁰. Заведомое упрощение объясняется требованиями современно- го рынка массовой литературы. В будущем, возможно, и появится герой-шопоголик, изображенный как герой драматической судьбы. Это станет возможным, если произойдет разрыв шопоголического сюжета с журнально-глянцевым контекстом. Что, по правде говоря, пока маловероятно.

Между тем сама возможность комедийного осмысления шопого- лической проблематики свидетельствует об общественной зрелости. В современной русской литературе рефлексия над миром моды и ма- газинов отсутствует, как отсутствует и жанр романа-комедии. В ней представлены либо переводные издания разнообразных пособий по жизни для зе1г-таcle леди¹¹, либо советы и откровения звезд местного масштаба типа Оксаны Робски и Ксении Собчак: «Когда он в очереди раз подносит тебе нелепую брошь в виде пчелки с желтым брилли том, не следует смотреть на аляповатую коробочку с гримасой искр ^ него отвращения, которое это изделие, возможно, вполне заслуж ^ Напротив, сделай вид, что вещь тебе нравится» (Робски, Собчак ^ Акценты расставлены совсем иначе: плохо не окружать себя ве ^ а окружать себя вещами дурного вкуса. Воспитание вкуса ^ ная задача российских гламурных див. А так — в туфлях за 400 Д ров нет ничего зазорного. Посмеяться же над своей покупат

способностью у нас пока не получается. Попробовать, конечно, можно. Но окружающие все равно не поймут.

Литература

- Бабицкая 2007 — Бабицкая В. Институт благодарных девиц // Русский Ые^з\уеек. 2007. № 16 (142). 16-22 апреля.
- Барт 1996 — Барт Р. Мифологии. М., 1996.
- Бодрийяр 1995 — Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- Бочарова 1997 — Бочарова О. Формула женского счастья: Заметки о жен- ском любовном романе // Новое литературное обозрение. 1997. № 22.
- Вайнштейн 2005 — Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005.
- Вайнштейн 1997 — Вайнштейн О. Розовый роман как машина жела- ний // Новое литературное обозрение. 1997. № 22.
- Женщина и визуальные знаки 2000 — Женщина и визуальные знаки: Сборник статей. М., 2000.
- Зиммель 1996 — Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Со- зерцание жизни. М., 1996.
- Левинсон 2000 — Левинсон А. Женщина как цель и как средство в оте- чественной рекламе // Женщина и визуальные знаки. М., 2000.
- Робски, Собчак 2007 — Робски О., Собчак К. Замуж за миллионера, или Брак высшего сорта. М., 2007.
- Рогинская 2004 — Рогинская О. Глянцевое «я»: женские журналы и кри- зис автобиографизма // Критическая масса. 2004. № 1.
- Рогинская 2005 — Рогинская О. Мода и современные модели жизнеопи- сания // Коммуникативные проекты в контексте современной теории моды: Материалы межвузовского семинара в рамках проекта «Комму- никация. Культура. Мода» 9 апреля 2004 года. М.: РГТУ, 2005.
- Сеннет 2002 — Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.
- Шотеп'в ШогЫлв 1991 — Шотеп'з \УогИз: Ыео1о\$у, РетттНу апс! гбе УУотап'з Ма\$агте. Ыопйоп, 1991.

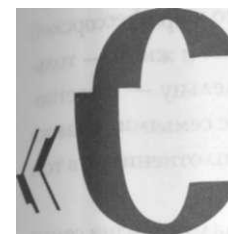
Примечания

1. Оригинальное название романа — Ргт\$иез. Издания на русском языке: СПб.: Азбука-классика, 2005.
2. Романы английской писательницы Софи Кинселлы (настоящее имя — Мадлен Уикхэм) Тбе Зесег. Оеат\уогИ ог а ЗЬорабоНс (2000), ЗЬорабоНс Аьгоаа (2001), ЗЬорабоНс Такез МапбаПап (2002), ЗЬора- ЫоНс Т1ез Йе Кпо! (2002), Сопгеззюпз ог а ЗЬорабоНс (2003), ЗЬорабоНс апс! 81з:(ег (2004) переведены более чем на 30 языков и входят в десят- ку европейских бестселлеров. По-русски издательствами «Фантом

Пресс» и «Эксмо» выпущены романы «Тайный мир
«Шопоголик на Манхэттене», «Шопоголик и брачные
голик и сестра»; планируется русское издание последн
Кинселлы Э. (2007).
РМ^{ан}.

3. См. об этом: Рогинская 2004: 93-97.
4. См. об этом: Вайнштейн 2005.
5. Подробнее об этом см. в: Сеннет 2002:155-165.
6. Можно вспомнить совет героини Кэрри из «Секса в большом
де» Кэндес Бушнелл: пойти и купить новую пару туфель, чтобы
шить проблему.
7. Все цитаты из романов Софи Кинселлы приводятся в переводе Ана
тасии Корчагиной.
8. Отзывы о книгах Софи Кинселлы приводятся на сайте: www.opk.it/a.ru/cnHyo/kt/kt_book/.
9. Все цитаты из романа Кристин Орбэн приводятся в переводе Гали
ны Соловьевой.
10. См. о «розовом романе»: Вайнштейн 1997: 303-331.
11. Об этом см., напр.: Бабицкая 2007.

профессор, доктор филологических
наук, главный научный сотрудник
Института языкознания РАН.
Лингвист, психолог, эссеист.
Автор книги мемуаров и эссе
«Внутри истории» (М., 2002),
книги «Мне некогда» (М., 2004)
и многочисленных статей в журналах
«Человек», «Новый мир», «Знамя»,
«Знание — сила», «Семья и школа».
В 2000-2003 годах — постоянный
автор сетевого «Русского журнала»,
в настоящее время ведет авторскую
колонку на сайте rosh.ru.

лучапмо на ноже карманном шоппнг по-советски

Ходить по магазинам для меня долгое время означало «по книжным». Вплоть до окончания университета сама я покупала только книги и пластинки. Одежду, обувь, материал на платье или пальто мне доставала или покупала мама. С ее точки зрения, я не смогла бы купить себе даже пару чулок. Откуда у нее взялось мнение о моей непрактичности — я не знаю: с осени 1941 года, когда я, будучи в эвакуации, пошла в 4-й класс, мне спокойно доверяли отоваривать хлебные карточки*.

Книги я начала покупать еще школьницей, пластинки — уже студенткой, тратя на это значительную часть стипендии. Неутолимой мечтой на всю жизнь остались любые хорошие канцтовары — общие тетради, надежные авторучки, ластики «со слоном», скрепки, папки. Даже теперь, когда «безбумажная» жизнь многое из перечисленного сделала ненужным, я ловлю себя на бережном расходовании блока Роз! II, а если приходится написать что-то от руки, по-прежнему использую «оборотки».

Систематически предаваться тому, что теперь называется шопингом, я начала, когда вышла замуж. Я разочарую читателя, умозаклучившего, что это естественно, поскольку у меня появился свой дом. Это был